

«три царя», а называет каждого из них по имени. Эта подробность могла быть известна ему из полуапокрифической литературы слов на рождество христово, основанных на «сказании Афродитиана о чуде в Перской земле». Именно здесь мы читаем эти имена и с тем же, что и в пьесе, разделением между ними даров. Такие слова были особенно широко распространены в украинской литературе XVII в., вошли даже в учительные евангелия (см., напр., I. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Т. II, Львів, 1899, стр. №, 18, 127); в них речь идет, в отличие от канонической литературы, о поклонении царей (= королей), а не волхвов, тогда как русский список подобного же слова присваивает эти имена трем волхвам царя перского (см. И. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 155). Таким образом есть некоторое основание думать, что в сценах с Иродом и царями автор пьесы связан с украинской литературной традицией.

В стиле вертепной драмы выдержан и разговор Ирода с книжниками, его наказ воинам «избить младенцев от двух лет и ниже» — ср. в вертепе «избить младенцев мужеского пола из двух лет и более». В той же манере шла и сцена, неоконченная в рукописи, — разговор офицера с воином.

А ф и ц е р

Почто ты тако, бестия, поступил?

Я вижу, что ты измену учинил.

Развѣ ты не помниш того,

Что присягу принял за кого,

Чтоб тебе верно служить,

И измены не чинить?

В о и н к о а ф и ц е р у.

Ваше благородие, я это от незнания артикула учинил,

Всепокорно прошу, чтобы ету мне вину простил.

А ф и ц е р.

За незнанием артикула ету вину тебе прощаю,

А впредь от таковых поступков опасатся повелеваю.

Таким образом в целом наша пьеса представляет довольно примитивную компиляцию, которая в первой части приближается к пьесам-декламациям, во второй же отходит в сторону вертепа и связанной с ним литературы. Но она значительно беднее и в литературном и в сценическом отношении таких школьных пьес-декламаций, какими были, напр., пьесы Митрофана Довгалевского. Она не знает ни развитого диалога, ни деления на действия и явления, никаких украшающих приемов вроде фигур-олицетворений и т. п. Ее вирши также очень слабы: хромает в них не только рифма, но и самый размер — число слогов в соседних стихах от 8 до 13, от 4 до 8, иногда даже от 8 до 16. Там, где манера пьесы сближается с вертепом, и стих становится более похожим на рифмованную прозу. На фоне обычного славяно-русского языка пьесы обращают на себя внимание три словарных украин-